

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2018 – 2019 учебный год
Заключительный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Альберт Мифтахутдинов

Звонок в Копенгаген

Марине М.

Вот так и ходишь, летаешь, едешь на собаках и на такси, всю жизнь в пути, и всё время чего-то ждёшь, доброго, как прикосновение женской ладони, всё время ждёшь чего-то, не жизнь, а сплошной зал ожидания. В тот год я окончил университет и возвращался домой, на Чукотку. Я сидел во Внуково и ждал погоды. Порт был закрыт, он не принимал самолёты и не выпускал их уже второй день. И вдруг по радио объявили, что совершил посадку самолёт из Копенгагена и встречающие могут выйти на перрон.

Я не был встречающим, но на перрон вышел. Был дождь.

— Вот видишь, а из Копенгагена самолёты принимают, — сказала мне Валерия. Она провожала меня.

— Хорошо, — сказал я, — в следующий раз я прилечу к тебе из Копенгагена, чтобы ты не ждала меня здесь так долго.

А про себя подумал, что хорошо бы слетать на Кубу или пожить на Гавайях. Если всю жизнь прожил на Севере, всегда тянет на юг. А я и родился на Севере. Мой отец — эскимос, мать — чукчанка. Когда Валерия узнала, что я эскимос, она прозвала меня Эски.

— Послушай, Эски, — сказала она тогда во Внуково, — я никогда не приеду на твои берега.

— Хорошо, — пришлось ответить мне. — Буду прилетать я.

Мне не хотелось ее терять. Потому что при ней я всегда в себе сомневался, злился на себя и становился сильнее. Есть люди, похожие друг на друга, как обложка книги, выпущенная большим тиражом. Валерия была не такой. Её в толпе не потеряешь. Её нельзя тиражировать. Валерия всегда в единственном числе. Вот в чём всё дело. Ведь не каждая

женщина могла бы так просто сказать: я никогда не приеду на твои берега. Другая бы обманула или успокоила.

Мне будет грустно без неё. Мне вообще будет на Чукотке грустно. Дело в том, что за пять лет учёбы в Москве я забыл всё, что умеют делать мои родичи. Я не смогу отличиться на моржовой или нерпичьей охоте, я не смогу правильно поставить капкан на песца, я не смогу определить, когда начнётся пурга и почему волнуются собаки.

Обо всём об этом я думал тогда, во Внуково, когда прилетел самолёт из Копенгагена.

Сейчас я работаю в школе. Школа на самом берегу океана. У меня хорошие малыши. Я их люблю. Спрашиваю как-то у детишек:

— Кто отгадает загадку: зимой и летом одним цветом?

Класс задумался.

— Ну, зи-мой и ле-том од-ним цве-том? — медленно прочитал им я. — Что это?

И вдруг маленький Чеви отвечает:

— Снег.

Я растерялся. Потом похвалил его. У нас действительно снег лежит круглый год.

«Как дела в твоём Копенгагене? — писала мне Валерия. — Как поживает твой мудрый Чеви? Перешёл ли он во второй класс? Когда ты прилетишь? Ведь я люблю тебя, хотя никогда не приеду на твои берега. Послушай, Эски, мы, женщины, оцениваем любовь мужчин по числу глупостей, которые они могут совершить в нашу честь. Соверши ради меня хоть одну — прилетай...»

Тогда я в первый раз позвонил на станцию. Мне ответил номер пятый.

Я попросил соединить меня с Копенгагеном.

— Мы не можем дать вам Копенгаген, — ответила пятый. — У нас радиотелефон. Москва и то еле-еле...

С тех пор, когда мне бывало очень грустно, я поднимал трубку и просил Копенгаген. И всегда почему-то отвечал номер пятый, усталый женский голос. Если бы мне удалось дозвониться, я просто бы узнал, какая там погода, и мне было бы легче.

Прошлым летом я послал Валерии стихи. Где-то я слышал эту грустную мелодию, и потом сами собой возникли стихи. Я ей подарил эту песню.

Где же вы, короли?

Где же вы, королевы?

Королей увели

Королевы налево.

Я искал свою сам,

Да искал, видно, мало,

И текло по усам,
Только в рот не попало.
Где же вы, короли?
Где же вы, королевы?
Короли — от земли.
От воды — каравеллы...

Я всегда пел эту песню, когда мне хотелось поговорить с Валерией.

Из старого моржового клыка, пролежавшего несколько лет под водой, морёного клыка, я сделал трёх божков-пеликенов и фигурку мальчика в каяке. Мальчик был похож на Чеви. Я отправил богов и Чеви ей. Я написал ей:

«Теперь на твоей стороне мои талисманы. А это ведь много значит. Когда я прилечу, мы с тобой отправимся жить на пасеку. За всю свою жизнь я ни разу не был на пасеке. На пасеке, говорят, хорошо...»

Сейчас Чеви уже в третьем классе, а я все ещё не могу приехать к Валерии. Старшеклассники устроили в интернате танцы под радиолу, а Чеви сидел в углу, смотрел и морщился.

— Тебе не нравится джаз, Чеви? Какую музыку ты любишь — классическую или лёгкую?

— Тихую... — сказал печально Чеви.

Иногда он своими вопросами ставит меня в тупик.

— Скажите, а Суворов тоже сначала учился в суворовском училище?

— Нет, — смеюсь я.

— А кто бы победил, если бы вдруг Суворов и Кутузов подрались?

Я пожимаю плечами.

Тогда Чеви отвечает, подумав:

— Суворов.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что Суворов учитель. А Кутузов — ученик. Если не верите мне, посмотрите, в «Родной речи» написано.

Черноглазый Чеви любит книги и хочет знать всё на свете.

— Живописец — это который живо пишет. Писатель такой, — говорит он. — А почему не говорят «быстрописец»?

Я в каждом письме рассказываю Валерии о Чеви. Я хочу, чтобы она его полюбила. Может быть, она полюбит тогда мои берега.

В тот год она много болела. Писала мне грустные письма о жизни и смерти. В смерти я разбираюсь, она дважды ходила рядом со мной — один раз в пути, в пургу, второй раз на охоте, когда на мою лодку напал кеглючин.

Я писал ей, что пока мы любим друг друга, никто из нас умереть не имеет права. И я ей послал сказку, которую сочинил для неё.

«Однажды Смерть пришла в гости к мудрецу и спросила его, как бы он хотел умереть. Мудрец ответил, что хотел бы умереть за книгами.

Смерть спросила у воина. Воин ответил, что хотел бы героически погибнуть в бою.

Спросила Смерть у влюблённых:

— А вы какой хотите смерти?

Влюблённые ответили:

— Никакой».

Вот и вся сказка. И я уверен, что ушла Смерть, скрипя скелетом, и коса её блестела тускло, а на луне, наверное, висели сосульки — так было холодно.

В моём доме всегда холодно. Чтобы в доме было тепло, надо, чтобы в нём пахло женщиной. Чтобы этот неуловимый запах был на подушке, на твоей одежде, на твоих книгах, к которым она прикасалась, но так и не успела прочитать. Чтобы всё было, как тогда, в Москве, задолго до того самого «я не приеду на твои берега».

В тот первый год, когда я только что приехал, отец посылал мне очень много, и мы здорово кутили. Она упрекала меня в том, что я ничему не знаю настоящей цены и всегда за всё переплачиваю. И, наверное, не знаю цены любви и дружбы, потому что даёшь всегда больше, чем получаешь. И ещё она говорила, что сгорю я в каком-то нервном перенакале.

Теперь, когда до неё так далеко, я знаю цену всему. И я многое понял. Я знаю, что праздники бывают раз во много лет, что настоящая любовь всегда в единственном числе, когда гордятся единственным числом и знают, что награды за это не бывает.

Не знаю, может быть, мне придётся нести крест несостоявшегося всю жизнь. Не знаю. Рецепт счастья для женщины простой — она должна гордиться мужчиной. Но чтобы это было так, надо, чтобы она гордилась и его берегами.

А у меня болит сердце. И Чеви уже большой, с ним можно смело ходить на охоту, и я всё реже звоню в Копенгаген, всё реже слышу от пятого, что связи нет. А больше ничего не изменилось, всё так же в каньоне Скалистый круглый год лежит снег. Зимой и летом одним цветом...

Вчера Эски прилетел в Магадан. И заказал телефон. И вдруг ему ответили:

— Копенгаген на проводе.

Телефонистка на хорошем русском языке поздравила его с наступившим Новым годом и спросила, кого дать в Копенгагене.

Он растерялся.

— Знаете что... соедините меня с Эльсинором. Кого в Эльсиноре? Гамлета... Принца Датского...

Эски крепко стиснул трубку, и рука его дрожала.

1983

Комментарии:

Мифтахутдинов Альберт Валеевич (1937–1991) – писатель, журналист, путешественник. Член Географического общества, организатор экспедиций, автор сценариев документальных фильмов о Дальнем Востоке. Автор рассказов и повестей о жизни Севера и Дальнего Востока.

Пеликен – чукотский и эскимосский талисман, вырезанный из моржового клыка. Представляет собой фигурку широко улыбающегося существа с большими ушами и круглым животом.

Каяк – небольшая лодка, используемая народами, живущими по побережью Северного Ледовитого океана; похожа на байдарку.

Кеглючин – морж-убийца. Кеглючинами становятся моржата, оставшиеся без матери; не умея добывать моллюсков для пропитания, они начинают охотиться на нерпу, диких уток, нападают на лодки охотников. Чукчи считают, что кеглючина боятся даже белые медведи.

Геннадий Григорьев

Этюд с предлогами

Мы построим скоро сказочный дом
С расписными потолками внутри.
И, возможно, доживём до...
Только вряд ли будем жить при...

И, конечно же, не вдруг и не к нам
В закрома посыплет манна с небес.
Только мне ведь наплевать на...
Я прекрасно обойдусь без...

Погашу свои сухие глаза
И пойму, как безнадёжно я жив.
И как пошло умирать за...
Если даже состоишь в...

И пока в руке не дрогнет перо,
И пока не дрогнет сердце во мне,
Буду петь я и писать про...
Чтоб остаться навсегда вне...

Поднимаешься и падаешь вниз,
Как последний на земле снегопад.
Но опять поют восставшие из...
И горит моя звезда – над!

1968 (?)

Комментарии:

Григорьев Геннадий Анатольевич (1950–2007) – поэт и драматург из Санкт-Петербурга. Учился на филологическом факультете, но был отчислен. Работал матросом, проходчиком, слесарем-сантехником, журналистом, писал сценарии, сотрудничал с детскими журналами. С 2010 года в Санкт-Петербурге ежегодно присуждается Григорьевская поэтическая премия.